17. Яниев В. Молдавская власть глуха и невнимательна к этническим меньшинствам / Владимир Яниев. – [Електронний ресурс]. Режим доступу : http://www.vedomosti.md/news/vladimir-yaniev-moldavskaya-vlast-gluha-i-nevnimatelna-k-et
18. Ghinea C., Paul A., Chirila V. Helping Moldova Stay on the EU Course. Proposals for a Real «More for More» Approach // EPC Policy Brief. 11.12.2013. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <www.epc.eu/documents/uploads/pub_4006_helping_moldova_stay_on_the_eu_course.pdf>.

УДК 321.1:323.3

Жангожа Р.Н.

ЭТНОПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОГО КАЗАХСТАНА И СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЕЕ ЭТНОИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ МИФЫ

В статье анализируется происхождение этнонима казах, этнополитическая ситуация в современном Казахстане, дается прогноз развития ситуации с будущим транзитом власти в стране.

Ключевые слова: Казахстан, казах, этнос, Центральная Азия, Назарбаев.

Жангожа Р.Н. **Етнополітика сучасного Казахстану та етноісторичні й політичні міфи, що її складають**

У статті аналізується походження етноніма казах, етнополітична ситуація у сучасному Казахстані, дається прогноз розвитку ситуації з майбутнім транзитом влади у країні.

Ключові слова*: Казахстан, казах, етнос, Центральна Азія, Назарбаєв.*

Zhanzhoga R.N. **Ethnic Policy of modern Kazakhstan and ethnic-historical and political myths that make it**

The article analyzes the origin of ethnonym Kazakh, ethnic and political situation in the modern Kazakhstan, was given the forecast of the future situation with transit of authorities in the country.

Keywords: *Kazakhstan, Kazakh ethnic group, the Central Asia, Nazarbayev.*

Современная этнология дает внешнее описание казахов и характеризует их как достаточно целостное этническое образование. Что же касается национальной самоидентификации самого народа, нашедшей свое воплощение в некоем конституционном статусе современной казахской этнологии, то, в этой, собственно научной области, казахская национальная этнология находится пока еще на ювенальном уровне и не готова дать теоретически оснащенную и объективно и методологически выверенную версию этногенеза казахов в контексте мировой истории.

ДУ «Інститут всесвітньої історії НАН України»

Тому немало причин как объективного, так и субъективного свойства.

К первому ряду причин относится корпус научно-этнографических исследований ученых-востоковедов и просто дорожных описаний казахского народа, осуществленных зарубежными путешественниками, в которых, по целому ряду объективных и субъективных причин, нет научно обоснованной и методологически выстроенной версии этногенеза казахов. Даже гениальный казахский ученый Чокан Валиханов, живший во второй половине XIX в., по своей научной классификации, а также и по определению, был ориенталистом. То есть, востоковедом, изучающим предмет, как бы, извне. Это же касается и современных казахских этнологов, которые по-прежнему находятся под большим психологическим, а также научно-методологическим влиянием научной школы российских востоковедов.

На сегодня ученые-этнологи, представляющие национальную историко-этнологическую школу, пока еще не сумели выработать отвечающие научным критериям методики, основанные, с одной стороны, на имманентных свойствах, признаках и характеристиках собственного народа, и на достижениях современной мировой этнологической науки, с другой.

Строго говоря, казахи пока еще не являются нацией в научном понимании этого термина. Об этом говорит не только прилагательное, которое используется этносом в качестве самоназвания (казактар – вольные, свободные или, даже, разбойники), но и территориальное разделение страны и народа на жузы, выполняющее одновременно и роль внутриэтнической и по принципу административно-территориальной стратификации. Хотя, как показывает историческая практика, идентичности, приписываемые извне - экзонимы, которые охватывают более широкую общность, нежели первоначальная этническая группа, использующая для самоназвания – эндонима – определение (как правило, имя рода/племени), с течением времени вытесняют последние и начинают восприниматься самой этнической группой в качестве самоназвания [5].

Поскольку среди исследователей в области истории этнографии, истории культуры и исторической этнолингвистики до сих пор нет определенного мнения относительно этнонима «казах», остановимся на нем более подробно.

ДУ «Інститут всесвітньої історії НАН України»

Как представляется, наиболее убедительную интерпретацию этого этнонима дали казахстанские историки Ю. Зуев и А. Кадырбаев [3]. По мнению этих авторов, термин «казак» восходит к тюркской лексической системе и впервые упоминается в тюркско-арабском словаре анонимного автора в 1245 г. Этот словарь был издан в Египте в период правления мамлюков – тюркской правящей династии, пришедшей к власти в результате военного переворота, осуществленного военными формированиями, которые состояли из пленных рабов, в подавляющем большинстве – выходцев из Дешт-и-Кипчака (степной зоны Причерноморья и Центральной Азии).

Большинство отрывочных и не генерализированных пока еще в стройную этнологическую концепцию фактов и эмпирических наблюдений наводят на мысль, что первоначальное значение термина «казах» имело лишь нарицательное значение (свободный, бездомный, скиталец, изгнанник, etc.) и не несло в своем содержании ни политической, ни этнической нагрузки. Иначе говоря, казаками называли человека, отколовшегося от своего народа, племени или покровителя и ведущего жизнь искателя приключений (в современном понятии – флибустьера). В российских источниках казаками называли социальный слой людей без определенных занятий и без определенного места жительства, которые снимались с насиженных мест в поисках вольной, полной лишений и, одновременно опасных приключений, жизни, становясь полными хозяевами своей судьбы, степными и речными флибустьерами.

Таким образом, можно с высокой долей определенности, утверждать, что исходным значением термина «казах» была классификация группы людей и тип их существования в системе социальной стратификации.

Людей, которые в силу ряда различных обстоятельств, жили жизнью казака (вольного человека), во все времена было немало. В степи или в сопредельных землях казаком мог стать человек любого этнического или социального происхождения – тюрок, славянин, иранец, или выходец из Кавказа; простолюдин или изгой из родовитой семьи, волею обстоятельств и/или своего бесшабашного норова, оказавшийся в пространстве «Вольного Поля».

Казаками, таким образом, называли людей, которые вышли из замкнутой родоплеменной структуры с ее жесткой зафиксированной и строго обязательной нормативной иерархией, включенной в сложную

ДУ «Інститут всесвітньої історії НАН України»

систему взаимоотношений и лишающей отдельного человека возможности для осуществления какого-либо инициативного поступка, на которые он, как индивидуум, живущий в подлинно свободном обществе, мог бы претендовать.

В определенный период своей жизни казаками, фактически, были и Темуджин-Чингисхан, и основатель узбекского улуса Абу-л-Хайр, и его внук – Мухаммад Шейбани-хан, и известный мусульманский летописец и поэт, правитель Ферганы и основатель империи Великих Моголов – Захир-ад-Дин Бабур.

Исходя из приведенной первоначальной характеристики терминов «казак» и «казачество» можно утверждать, что в своем исходном значении они применялись для обозначения отдельного индивидуума и/или социальной группы/страты, которые вышли за пределы своей родоплеменной группы и вели особый, отличный от традиционного, образ жизни, были, в известном смысле, «пассионариями» (Л. Гумилев).

Следуя этой логике, можно утверждать, что по своей семантической сущности, термин «казак» представляется не этнонимом, а соционимом. То есть, термином, выражающим не этническое, а социально-политическое состояние индивидуума и группы людей, которые порвали с традиционным окружением и ведущих вольный образ жизни.

Последнее утверждение дает возможность считать, что казаками можно было стать отнюдь не по рождению или своей этнической принадлежности. Казаками можно было стать, приняв определенный уклад жизни.

Для обозначения образа жизни казака исторические и историко-этнографические источники употребляют специальные термины «казакование», «казачество», имеющие в тюркских языках свой аналог глагольной формы – «казаклык».

В своей подавляющей массе казаки вели весьма скромный (хотя отнюдь не пуританский), далекий от роскошеств образ жизни. Об этом может свидетельствовать тюркское слово «казакане» – «по казацки», что соответствует понятию «скромно», «непритязательно». Казаки, как правило, не имели недвижимости, не копили ценные вещи и обходились в своей повседневной жизни простыми функциональными вещами, которые не представляли для других людей сколько-нибудь значительной ценности.

ДУ «Інститут всесвітньої історії НАН України»

Казаки, как правило, объединялись в корпоративные группы. Иногда такая группа состояла из спасшегося бегством незадачливого претендента на престол и его преданных сторонников – дружинников, которые были вынуждены искать спасения от репрессивных действий своих противников вдали от родных очагов. В иных случаях слово «казаки» обозначало группу кочевников-номадов, отделившихся от рода, к которому они принадлежали и находившимися с этим родом во враждебных отношениях. В этом смысле казаками были, по мнению С. Кляшторного и Т. Султанова [4], кочевники, восставшие против Абу-л-Хайра, и в 1459 г. ушедшие из-под его власти в Семиречье, где они получили название «узбеки-казаки».

В контексте приведенной выше интерпретации термина «казак», двойное название народа можно воспринимать как вполне естественное. В ту пору слово «казак» прилагалось к названию отдельных народностей, этнических, социально политических и иных групп и даже к собственным именам отдельных лиц. Были ногайские и дештские казаки, чутур-казаки (на Кавказе), шибан-казаки, узбеки-казаки и киргиз-казаки (они же – современные казахи).

По-видимому, появление двойного названия «узбеки-казаки», можно объяснить тем, что казаками, уже к тому времени, было привычно называть не только разного рода вольницу, но и собственно казахов, вполне обособившихся к концу XV – началу XVI в. в качестве самостоятельно этнической группы от остальных центрально-азиатских тюрков.

Институт казачества сыграл определяющую роль в этногенезе казахского народа, современный этноним которого, если исходить из собственно казахской и, в целом, тюркской фонетики, звучит именно как «казак», «казактар» (множественное число).

На всем протяжении Пояса Великой Степи – в регионах Приуралья, Поволжья, в степной и предгорной зоне Северного Кавказа, степной зоны Украины и Крыма, институт казачества занимал доминантные позиции.

Следует, однако, заметить, что во всех названных регионах этот институт был основой не этнических, а социальных и хозяйственно-экономических процессов. То есть, в сформировавшихся здесь казацких общинах, в самоидентификации ее членов и в восприятие этих общин со стороны преобладали не этнические, а именно, социальные и

ДУ «Інститут всесвітньої історії НАН України»

хозяйственно-экономические признаки и характеристики, воспринимаемые, прежде всего, в качестве вольницы. При этом этнический состав казачьих общин, занимавших территории этих регионов, становился все более и более сложносоставным.

Поначалу субстратные и, соответственно, доминирующие позиции в этих общинах, занимали, так называемые, «татары». Этим собирательным этнонимом до недавних пор называли все тюрко-язычные этнические группы в зоне, прилегающей к Поясу Великих степей евразийского континента от Саян и до венгерского Балатона.

Со временем казакующие «татары/тюрки» были заметно разбавлены славянами и северо-кавказскими племенами, также собирательно называемыми «черкасами» или «черкасцами» (черкесами). К середине XVI в. в среде казаков начинается преобладание этнических славян – выходцев из различных регионов Московской Руси и Украины.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что институт казачества, по своему этническому составу, представляет собой тюркско-славянский (и, отчасти, северо-кавказский) этнический симбиоз. В возникновении и формировании казачества на раннем этапе становления этого социального института участвовали различные этнические группы, наиболее многочисленной и весомой среди них (особенно поначалу) были представители тюркских племен. Однако к концу XVI в. соотношение славян и тюрков стало изменяться в пользу первых. Причина тому, как считают Ю. Зуев и А. Кадырбаев, состояла не только в присутствии в рядах казаков заметного славянского элемента, но и усиливающееся влияние православия, а также то, что Московская Русь, все чаще привлекала казаков на государственную службу.

Однако вернемся к реконструкции понятия «казак/казах» применительно к современной казахской нации. Предваряя нашу последующую интерпретацию этого сложносоставного понятия, позволим себе репродуцировать текст, на наш взгляд, наиболее репрезентативного специалиста в области казахской историософии А. Акишева [1], который воспроизводит оборотную сторону квази-национального традиционализма, культивируемого в квази-демократических государственных образованиях, позволив себе на правах давней дружбы с автором, некоторые купюры, дополнения и правки.

ДУ «Інститут всесвітньої історії НАН України»

«Новые государства Средней Азии и Казахстан – «Центральная Азия» обладают различными комплексами, характерными для политических неофитов» – считает А. Акишев. «Очень характерно, что все они испытывают и комплексы исторической неполноценности. Как некогда говорилось о Канаде: «Здесь очень много территории и слишком мало истории».

Очевидно, что новой генерации политиков младогосударственных образований очень недостает исторической респектабельности. В этом отношении считается мало престижным иметь короткую национальную историю, а потому и усилия штатных историков направлены на интенсивный поиск древних доказательств национальной славы. В этом контексте идет направленная работа по созиданию мифов о «национальной древности» так называемых титульных этносов.

В своем современном состоянии титульные этносы центрально-азиатского региона достаточно молоды, что само по себе, не столь уж и плохо. Однако в новообразованных государствах Центральной Азии считают иначе. Население, скажем, Узбекистана, или Казахстана состоит не из одних лишь узбеков и казахов. Но, вопреки объективной исторической реальности, остальным этническим группам из прошлого уделяется только «кусочек» XIX-XX вв.: «время мракобесия» метрополии в лице России. В «лучшем» случае им уготована участь быть натурализованными титульными этносами (в Узбекистане) или, в худшем случае, стать народом-изгоем (в Казахстане). По этой логике представляется совершенно естественным, что «седая история» и «преданья старины глубокой», односторонне и «явочным порядком» приватизированы «автохтонами». В силу этого, история делится по принципу: «моя» - «наша» и «не ваша».

В подобном переформатировании исторических сведений состоит смысловой стержень, в очередной раз и скороспешно выпекаемых «исторических концепций» и инструкция по их употреблению.

Апелляция к историческим прецедентам должна компенсировать «комплексы неполноценности суверенитета», воспитывать ощущения этничности или этнической идентичности у населения и таким образом подтверждать существование преемственности государственности в регионе.

ДУ «Інститут всесвітньої історії НАН України»

Штатные историки, словно подписав ангажамент и получив лицензию на переформатирование национальной истории в соответствие с изменившимся историческим моментом и персональными вкусами и потребностями власть предержащих, которые хотят выходить в свет в приличествующем их сану историческом одеянии, они неустанно ищут в прошлом неоспоримые доказательства этнического величия. Не слишком они при этом заботятся о таких «мелочах» как объективная научная истина, которая основывается на целостном подходе к предмету своего исследования.

В конечном счете, внутрирегиональная конкуренция исторических версий развития нынешних государств Центральной Азии, приводит к появлению специфически «национальных», а вернее, этнических моделей истории.

В центрально-азиатских странах население, в своем большинстве, вообще не имеет сколько-нибудь связных представлений о том, что же такое их государство и демократия, и в чем ее функции. Так называемые «элиты», в том числе и «контрэлиты», считают себя в этом отношении культуртрегерами, но, судя по всему, они сильно переоценивают степень своей компетенции, хотя и не признаются в этом никогда.

Можно принять как данность то очевидное обстоятельство, что социальная атмосфера в новообразованных странах Центральной Азии действительно отличается низким уровнем политической активности аграрного населения и фрустрационными настроениями, усиливающимися в городах. Первое – официально оценивается властями как достоинство и признак стабильности в обществе. Второе – указывает на существование потенциальных неприятностей для правителей. Отметим, что в этом отношении решение Казахстана о создании «чиновничьей столицы» или «столицы для чиновников» в Астане отражает неосознанное стремление режима удобным образом изолироваться от возможного контроля и демонстрирует определенный уровень субъективного прагматизма и инстинкта самосохранения у режима власти.

Следствием системного кризиса, происходящего в казахском традиционном обществе является то, что в разукрупненном аграрном секторе у сельского населения, которое по инерции и совершенно произвольно, считается примитивными националистами, а в своей реальной жизни являющимся традиционно самым бедным и экономически

ДУ «Інститут всесвітньої історії НАН України»

депрессивным, запущенным, и во все времена обделенным вниманием государства сословием происходит самая настоящая архаизация всех уровней жизнесуществования. После исчезновения советских форм организации, основанных на территориальном принципе, которой не коснулись идеи национально-культурного возрождения, в этой необразованной и деполитизированной социальной страте современного казахского общества происходит реанимация родоплеменных структурных объединений, что делает их схожими с субэтническими объединениями, по своей содержательной организации и по функциям, типологически сходными с криминальными структурами.

Эта ассоциация усиливается тем, что назначаемые «сверху» акимы (районное руководство) естественным образом и по существу выполняют функции, зависимые от верховной власти и деспотичных местных криминальных авторитетов.

Все перечисленные признаки деградации казахского аула стали причиной вымывания из них населения, которое сокращается быстрыми темпами, молодежь люмпенизируется и, не находя себе иного применения, вливается в городскую криминальную сферу.

Совершенно бесспорно, что территория новых независимых государств Центральной Азии (ННГ ЦА) издревле была интегрирована в более широкий геополитический ареал – историко-культурный дискурс, и служила ареной сложных, имеющих широкий территориальный охват и глубокую историю, этнокультурных процессов в «Большой» Центральной Азии.

Таким образом, те этносы региона, которым повезло в том, что некогда союзные республики СССР носили их имена, могут претендовать и претендуют на существование у них неких древних предков, а их этнические амбиции могут быть вполне удовлетворены представлениями о том, что они в значительной мере являются прямыми наследниками древних традиций. Вместе с тем, из-за отсутствия взвешенных, научно обоснованных историко-культурных исследований, они предпочитают пользоваться новой мифологией, основанной на крайне низком уровне исторического образования, усугубленном узостью этнорегионального самоощущения и на непрезентабельных вкусовых предпочтениях власти.

Апелляция к исторической специфике получила выражение в установлении в регионе режимов авторитарного правления и быстрой

ДУ «Інститут всесвітньої історії НАН України»

регенерации тоталитаризма. У каждой страны центрально-азиатского региона есть своя модель, но по целому ряду признаков они типологически схожи. Функции президентских советов, как правило, гипертрофированны, марионеточные парламенты – управляемы, судебная система и силовые структуры находятся в прямой зависимости от президента, избирательные органы полностью контролируются режимами, руководители местных органов управления назначаются сверху.

В дискурсе закрытых обществ, каковыми являются младогосударственные образования ННГ ЦА, приведенные признаки представляются вполне естественными и даже внутренне необходимыми для существования и функционирования, воспроизводства и консервации существующих режимов.

Представляется вполне естественным, что официальные власти, уже начали бороться с «нетрадиционными», «дивиантными» явлениями, нарушающими установленные ими правила игры. Как это не парадоксально выглядит с позиций обновляющегося мира, эти явление сигнализирует о том, что «турбулентные потоки» квази-традиционализма затягивают ННГ ЦА в болото нового/старого Средневековья.

Весьма характерно, что трайбалистские и генеалогические комплексы (и импульсы) применяются также и по отношению к русскоязычным представителям так называемой «оппозиции», а вернее умеренными и ситуативными критиками политики власти. Такая «оппозиция», если она вообще существует, обычно декоративна, во всех случаях слабо структурирована, и не имеет четко ориентированных программ.

Знаковым признаком всех подобных партий, движений, фондов и т.п. является повсеместно афишируемая любовь к культуре, природе и окружающей среде, особенно в связи с «разработанными» интеллигенцией, широко известными и популярными в СМИ темами, направленными на всякого рода протесты. К примеру, на вяло артикулированные протесты против использования космодрома Байконура, ядерных полигонов, против гибели Арала, трансгрессий озера Иссык-Куль, против мусорных и радиоактивных свалок и т.п. По-видимому, это объясняется тем, что затрагиваемые темы более доступны, эмоциональны и легко эксплуатируются фрондирующими группами в целях саморекламы.

ДУ «Інститут всесвітньої історії НАН України»

Но самое главное их значение состоит в том, что они отвлекают протестные настроения населения от решения ключевых проблем социально-политического и экономического обустройства в ННГ ЦА.

В целом, в ННГ ЦА многопартийность также имеет определенные признаки семиотического или имитационного характера. Порой она поощряется и санкционируется «сверху»: для того, чтобы создать более респектабельный и «демократичный» имидж страны в глазах внешних (западных) наблюдателей. Многие партии активизируются только во время выборов, а иные создаются местными политическими технологами специально к выборам, как, к примеру, партия «Отан» («Родина») или «Аграрная партия» в Республике Казахстан, имеющие прямые аналоги с российским «Медведем».

Известно, что ННГ ЦА и их население отличаются той или иной степенью «русификации» и интегрированности в сферу русской, а следовательно постсоветской культуры, преобразовавшей или оттеснившей локальные традиции на периферию, либо сосуществующей параллельно с ними. К примеру, общность с русской культурой для Северного и Восточного Казахстана, имеет более чем 250-летнюю историю.

Регионы Южного Казахстана, Семиречья и Северной Киргизии приобрели современную этническую картину в результате симбиоза местного населения, в том числе т.н. сартов - потомков древних земледельцев и торговцев региона, не имеющих прямого отношения к кочевым казахам и кыргызам, и переселенцев из России и Восточного Туркестана. В Узбекистане за годы советской власти произошло директивное «обузбечивание» неузбекского (казахского, кыргызского и туркменского), и в особенности, ираноязычного населения, т.н. «таджиков».

Власти Казахстана или не осознают, или закрывают глаза на то, что проблема этнической фрустрации узбеков существует и в южных районах Казахстана. Все это оказывает сильное влияние на традиционные приоритеты и менталитет местного населения в Казахстане – как казахов, так и русских, а также представителей других народов, т.е., так называемого, «русскоязычного» населения. Сюда же следует включать и значительную часть наиболее образованных и вестернизированных

ДУ «Інститут всесвітньої історії НАН України»

городских представителей «титульной» нации, которые получили русско-советское образование.

Состояние кросскультурной адаптации, в которой оказалась эта социальная группа, означало для них то, что процесс экзистенциальных изменений, первично завершившийся социализацией в родной культуре, вступил в постоянный, длительный и непосредственный контакт с новой для себя культурной системой. На этом новом уровне приобретение необходимой коммуникативной компетентности неизбежно сопровождалось для этих людей стрессами и периодами эмоционального «спада». В этом процессе «неофиты» должны пройти через внутренние конфликты – между своими изначальными и новыми культурными стилями – посредством коммуникативного участия в принимающем обществе. При этом «стрессы» становятся неотъемлемой частью процесса культурно-политической адаптации составляющую часть цикла «стресс-адаптация». В некоторых случаях они приводят к временной дезинтеграции личности и даже к психологическим срывам. Подобная реакция на необходимость приобрести новую коммуникативную матрицу жизнесуществования может рассматриваться как внутреннее сопротивление личности на происходящую в ней культурно-психологическую и поведенческую переориентацию и переструктуризацию [6].

В отличие от «асфальтовых» (городских) представителей своего народа, простые люди и раньше не хотели быть похожими на посторонних им по духу, хотя и этнически родственных фаворитов. Они не доверяли, а чаще робели перед ними, поскольку доминирующей и поддерживаемой репрессивными органами культурой страны, в которой они жили, (вот, уж, воистину пастернаковское: «не чуя ее под собой») выступала русско-советская культура.

Теперь же, получив благодаря статусу государственного суверенитета легитимное право называть себя «титульной» нацией, они и вовсе не хотели бы иметь дело с утратившими в одночасье право считать себя как «старшими братьями», так и с «утратившими истинные национальные признаки», городскими казахами.

В ННГ ЦА большинство людей ориентируются на отличающиеся от пропагандируемого образа представление о «традиционных» ценностях нации и иные культурные и религиозные предпочтения, а не на те, что им

ДУ «Інститут всесвітньої історії НАН України»

навязываются, а также – на иные векторы комплиментарности в этнокультурной сфере, нередко про-российские или про-западные. Они предпочитают не столько интегрироваться в «западную» или «восточную» системы ценностей, сколько жить в качестве законопослушных, защищенных законом и социальными гарантиями гражданами в своем государстве. Государство, которое ориентировано хотя бы на разумную меру суверенитета личности, а не на один лишь, пусть даже «избранный Всевышним» или президентом народ или элитарную группу, узурпировавшую все преимущества суверенитета.

В контексте сказанного возникает отнюдь не риторический вопрос, на который в сложившейся ситуации невозможно получить убедительного ответа: насколько ценность быть самим собой, а не тем, кем тебя заставляют быть, соответствует общечеловеческим идеалам и чувству собственного достоинства отдельного человека?

В определенном отношении можно утверждать, что население таких стран региона как Казахстан и Кыргызстан, если рассматривать их в самом общем плане и в общецивилизационном аспекте, не столько многонационально, сколько бинационально. Оно ориентировано на две группы, в самом общем представлении структурированные по бинарному принципу:

1) на «автохтонов» - на «локальные», «коренные» этнические ценности;

2) на «русофонов» - на «интернациональные», прорусские, ценности.

Поэтому нельзя исключать того, что в обозримой перспективе, развитие процессов под влиянием этого фактора может определять параметры государственного и мировоззренческого развития в Казахстане и Киргизии. Хотя нужно сказать, что демографические факторы и репатриация русскоязычного населения свидетельствуют о неуклонном угасании русского фактора.

Однако одними лишь перечисленными выше признаками возможные направления политико-правового и социокультурного развития центрально-азиатского региона не исчерпываются. Одновременно с ними существует мощный потенциал и для иных сценариев развития.

За последние 200 лет на территории современных ННГ ЦА у коренных этносов сохранялся своеобразный «народный (бытовой) ислам». Говоря об этом явлении в самом общем смысле можно отметить, что он

ДУ «Інститут всесвітньої історії НАН України»

был представлен в виде мистических – тенгрианско-суфийских, по своему содержанию бытовых, обрядовых, поведенческих и ценностных предпочтений.

Эта версия официального ислама в каждой стране адаптированная к местным реалиям по-разному и в разной степени, и была тесно переплетена с традиционными, по большей части генетически языческими и тенгрианскими обычаями, проявляющимися преимущественно в некоторых усеченных формах обрядовой деятельности и суевериях.

Сегодня роль ислама во всем мире начинает заметно усиливаться, в особенности в области политической составляющей этой конфессии. Именно поэтому возрастает цена миссионерской деятельности, как необходимой компоненте при экспансии ислама на традиционно «канонические» для него территории стран центрально-азиатского региона, национальная идеология которых находится пока еще в эмбрионально-ювенальном состоянии.

В то же время, по мнению многих экспертов, уровень религиозности населения в Ошской и Джалал-Абадской областях юга Кыргызстана и во всей Ферганской долине, разделенной между Узбекистаном, Кыргызстаном и Таджикистаном – в Намангане, в Худженте, в Сырдарьинском регионе Казахстана, где в советское время существовали и продолжают существовать по сей день этнические «анклавы», традиционно достаточно высок. Впрочем, и все остальные компоненты, составляющие остов общественно-политического устройства социума, в этих зонах центрально-азиатского суб-региона (уровень внутригрупповой, этнической и религиозной солидарности) всегда были значительно более значимыми, нежели в других территориальных зонах Центральной Азии. Хотя внешне, и до поры до времени, не проявлялся.

На структурирование аморфных форм местного ислама нацелена политика стран, в которых фундаментальный ислам трансформируется в ислам политический.

За последнее десятилетие Саудовская Аравия, Катар, Кувейт, АРЕ, ОАЭ, Пакистан и Турция создали и контролируют в ННГ ЦА свои университеты, академии, школы, культурные и исламские центры, мечети, исламские академии и т.д. В современном мире нет ни одного другого региона, где бы целые группы государств позволяли иностранцам беспрепятственно создавать нужные им качества у своих подданных. В

ДУ «Інститут всесвітньої історії НАН України»

связи с этим обстоятельством, закономерен вопрос: о каких «национальных идеях» может идти речь, если исламские страны фактически свободно и, пока еще, «извне» распоряжаются внутренней политикой ННГ ЦА?

Похоже, что правители центрально-азиатских стран в обмен на инвестиции (а чаще всего, на обещания перспектив инвестиций), фактически отдали на откуп иностранцам важнейшую составляющую суверенитета – свободу совести и вероисповедования – основные права граждан быть такими, какими они хотят быть сами, а не такими, какими их моделируют религиозные миссионеры из полуфеодальных стран Ближнего Востока.

Надо ли быть особо прозорливым, чтобы высказывать предположение о том, что последний по времени проект приватизации образовательных учреждений в государствах ЦА почти наверняка приведет к тому, что образовательное учреждение будет в обязательном порядке диктовать своим ученикам выбор той или иной конфессии.

Приводя эти соображения относительно возрождения ислама в Центральной Азии в целом и в Казахстане, в частности, необходимо подчеркнуть, что радикальные исламисты – так называемые ваххабиты и идеологически близкие им суб-конфессиональные группы, содержат в своем ресурсе опасность отнюдь не спонтанного, а управляемого извне процесса. Свидетельством этому стали последние события на западе Казахстана (лето 2016 г.), где радикалы-неоисламисты устроили показательные террористические акты.

Казахское общество в своей основной массе претерпевает сегодня структурные преобразования, связанные с необходимостью интегрироваться в международное сообщество, приоритетами которого выступают ценности, выработанные христианско-иудейской цивилизационной матрицей. Вследствие этого, оно встает перед проблемой продуцировать в себе тот тип, который смог бы, минимизируя неизбежные при подобном переходе издержки, обеспечить реализацию избранного социо-этнического и цивилизационного проекта.

Иного пути стать полноценным субъектом международного сообщества попросту не существует, поскольку «укрупненные» варианты национализма, по типу «пан-славизма», «пан-туранизма» или «пан-исламизма», в условиях глобализации, утрачивают какую-либо

ДУ «Інститут всесвітньої історії НАН України»

актуальность. В самом гипотетическом сценарии, предполагающем их реализацию в социальной практике, они представляются непреодолимым препятствием для цивилизованного развития.

С другой стороны, новый тип человека, несущего в себе (и на себе) планетарный проект, являет собой предельно индивидуализирующее начало в обществе, которое, напротив, в направлении своего развития стремится к постоянной генерализации – к большему обобществлению, унификации и анонимности, используя при этом все более усложняющиеся социальные институты.

Для полноты картины обратим внимание на вариативность процесса интеграции в международное сообщество, связанную с различными исходными позициями, а также этно-психологическими и этно-культурными особенностями субъектов этого процесса. Если в европейской и северо-американской модели развития таким индивидуализирующим началом выступает идеология предельного индивидуализма, то в Японии, успешно интериоризующей в себе мировой проект, коллективное, как сумма и множественность индивидуумов, формируется благодаря эволюционной трансформации традиционного ведения хозяйствования в масштабах семейной и общинной корпорации, в масштаб хозяйственно-производственного и торгового объединения.

Что касается внутренней политики Казахстана на современном этапе развития страны, то она может быть охарактеризована как «мягкий» авторитаризм. Со всеми составляющими эту модель государственного устройства признаками и характеристиками.

Смерть 2 сентября 2016 г. Президента Узбекистана И. Каримова стала для президента Казахстана Н. Назарбаева, носящего звание «Ельбаси» (Лидер нации), знаковым событием. Неким предупреждением о необходимости переформатировать кадровую вертикаль, гарантирующую устойчивость династического устройства Казахстана.

В сентябре 2016 г. по указанию Н. Назарбаева произошли кадровые перестановки, которые откорректировали соотношение сил, и явились предвестниками новой системы преемственности власти в свете принятия необходимых для этого поправок в Конституцию.

Первым событием стало перемещение К. Масимова с должности премьер-министра на пост председателя Комитета национальной безопасности (КНБ). Также старшая дочь Ельбасы Д. Назарбаева из

ДУ «Інститут всесвітньої історії НАН України»

заместителя премьера по социальным вопросам стала членом верхней палаты парламента – Сената Казахстана, а министр обороны И. Тасмагамбетов – вице-премьером, курирующим идеологическую деятельности правительства [2].

Назначение Д. Назарбаевой произошла настолько оперативно, что указ о ее назначении был опубликован раньше указа об освобождении того, чье место она заняла. Это обстоятельство дало возможность экспертам предположить, что уже в самое ближайшее время она займет кресло спикера Сената Касым-Жомарта Токаева.

Для И. Тасмагамбетова нынешнее назначение, скорее, означает понижение, если вспомнить, что в недалеком прошлом он возглавлял и правительство, и администрацию президента, а также был вице-премьером по социальным вопросам. Лишившись статуса одного из ключевых персон казахстанского «политического дивана», он стал заместителем новоназначенного «технического» премьера Б. Сагинтаева и в подчинении у первого вице-премьера А. Мамина, отношения с которым у него, мягко говоря, неприязнненные.

Под контролем И. Тасмагамбетова оказались два министерства, отвечающие за информационную и идеологическую обработку населения – министерство информации и коммуникаций и новое министерство по делам религий и гражданского общества. Создание двух ведомств свидетельствует о том, что Акорда (резиденция президента Казахстана) из-за падения авторитета власти и роста протестных настроений в обществе, решила уделить большее внимание именно этому направлению в связи с серьезным социально-политическим кризисом, связанным, в первую очередь, с падением цен на углеводородное сырье и металлы – главных источников дохода Казахстана.

Причинами такой ситуации стал нарастающий социально-экономический кризис, предчувствие новых всплесков выступлений граждан против продажи земли, необходимость выполнять подписанные договора о переносе экологически грязного производства из Китая в Казахстан, скачущая инфляция национальной валюты и иные системные ошибки власти.

Следует отметить, что в результате новых назначений на ключевые должности знаковых фигур значительно усиливаются и расширяются полномочия силовые ведомства. В этом же ключе следует рассматривать

ДУ «Інститут всесвітньої історії НАН України»

назначение С. Жасузакова, назначенного на пост министра обороны, бывшего начальника Генштаба. Таким образом, помимо «спасательных» функций по стабилизации экономики, новый кабинет будет оперативно упреждать протестные выступления.

По возвращении из Китая с саммита G20 в сентябре 2016 г., Н. Назарбаев, обозначил новые направления деятельности спецслужб и идеологических ведомств, встретившись с директором службы внешней разведки «Сырбар» Г. Байжанвым, а также с министром информации и коммуникаций Д. Абаевым. На этой встрече Назарбаев подчеркнул необходимость ужесточения борьбы с радикальной оппозицией и с другими проявлениями политических протестов.

Перечисленные акции свидетельствуют об усилении вертикали власти. В Казахстане никогда не было коалиционного правительства. Все министры и ключевые фигуры назначаются президентом и не связаны друг с другом общими идейно-политическими взглядами, что дает основание считать структуру исполнительных институтов «техническими».

Очевидно, что Акорда спешит с реализацией проекта возможной передаче всей полноты власти назначенному Ель баши преемнику «транзита» и проводятся меры, направленные на обеспечение социально-политической стабильности и недопущения раскола политической и административной элиты.

Говоря иначе, все последние действия Назарбаева подчинены единой логике – созданию механизмов гарантированной передачи президентских полномочий своей дочери – Дариге в случае его преждевременного ухода или длительной госпитализации. Дополнительным свидетельством служит тот факт, что с этой целью Б. Имашев – близкий семье президента и тесно связанный с Д. Назарбаевой, с должности министра юстиции был перемещен на пост главы Центральной избирательной комиссии, ключевой пост в контексте возможных выборов.

В этой модели «преемник №1» есть все же некоторое «но», связанное с возможной конкуренцией внутри семьи Назарбаева: по линии «Дарига Назарбаева – Тимур Кулибаев». Но казахстанские эксперты высказывают мнение, что вопрос о преемнике Назарбаев решил в пользу своей старшей дочери.

В возникшей ситуации представляется логичным назначение К. Масимова на пост руководителя КНБ, задачей которого становится

ДУ «Інститут всесвітньої історії НАН України»

обеспечение процедуры передачи власти без возможных осложнений, нейтрализация потенциальных противников Д. Назабаевой и пресечение социальных волнений и антикитайских выступлений.

Возможным политическим оппонентам уготована участь видного шымкентского олигарха Т. Тулешова и его сторонников из казахского истеблишмента, обвиненных КНБ в попытке государственного переворота, организаторов «заговора» из Атырау, показательный процесс над деятелями движения против земельной реформы.

В этих условиях репрессивная сущность диктатуры будет усиливаться, особенно в ситуации дальнейшего падения авторитета власти и отказа от легитимности в сценарии передачи власти по родственному признаку.

Анализ внутренней политической ситуации на пороге предстоящего кратко/среднесрочного транзита власти, при всей ее внешней предсказуемости, все же не столь однозначен. Президенту и властям Казахстана не удалось законсервировать политические процессы в условиях расширившегося информационно-коммуникационного пространства. В стране активизируется политизация широких слоев общества. Именно поэтому можно прогнозировать что события, связанные с транзитом верховной власти, неизбежно ускорят процессы формирование гражданского общества, политическая конфигурация которого неизбежно сдвинется в направлении демократии и либерализма.

Использованные источники и литература:

1. Акишев А.К. Политическая элита Казахстана: история, современность, перспективы / А.К. Акишев. – [Электронний ресурс]. — Режим доступа : http://www.eurasia.org.ru/2000/top5/06 27 az.26.htm
2. Ашимбаев Д. В казахстанском истеблишменте формируется конфликтное поле, связанное с заявками на преемничество / Данияр Ашимбаев. – [Электронний ресурс]. — Режим доступа : http://www.nomad.su/?a=3-201609160036
3. Зуев Ю., Кадырбаев А. Поход Ермака в Сибирь: тюркские мотивы русской теме / Ю. Зуев, А. Кадырбаев // Вестник Евразии. – № 3(10). – 2000. – С.45–52.
4. Кляшторный С.Г., Султанов К.Т. Казахстан – летопись трех тысячелетий / С.Г.Кляшторный, К.Т Султанов. – Алма-Ата, 1992. – С.282.
5. Riggs, Fred. F. Ethnicity. INTERCOCTA. Glossary. Conceptc & Terms. Used in Ethnicity Reseearch / Fred. F. Riggs. – Honolulu : Internatoinal Social Science Council, 1985. – P.11–23.
6. Yong Yun Kim. Communication & Cross-Cultural Adaptation Theory / Yun Kim Yong. – Clarendon-Philadelphia : Multilingual Matters, 1988. – P.11–52.

ДУ «Інститут всесвітньої історії НАН України»